

УДК 008:94 (575.2) (04)

ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА КЫРГЫЗСТАНА

Н.В. Кумскова – канд. ист. наук, доцент

Modern scientific vision of cultural-historical space defines it as interaction of four substances: spaces, time, sense and interaction (communications). Therefore it is impossible to solve national, regional, economic, political and other problems without studying cultural-historical space.

В исторической науке и культурологии сложилась весьма непростая ситуация в проблематизации пространства и времени. Различного рода интерпретации исторического материала, которые охватывают культурно-историческое пространство или пространственные аспекты исторических процессов, стали непременным атрибутом многих исторических и культурологических работ. При этом само культурно-историческое пространство Кыргызстана, где соединяются идеи и действия, фактически не изучается и не объясняется.

Структура поэтических мифов или абстрактные историософские модели представляются более важными по сравнению с исследованиями исторических процессов освоения и использования пространства и восприятия времени в разных обществах и в разные эпохи. Современная историографическая ситуация в Кыргызстане характеризуется тем, что число работ по отдельным элементам и сторонам этнографического прошлого, к примеру по семиотике юрты, несравнимо выше числа исследований, направленных на осмысление культурно-исторического пространства и пространственных практик многих поколений людей, живших на этой земле, а также влияния культурно-исторического пространства на современную геополитику и ежедневную повседневность.

Существующий реальный общественный спрос на вопросы и ответы по данной пробле-

матике как никогда высок и сверх того – критически необходим. Культурно-историческое пространство Кыргызстана – малоизученный и во многом непознанный объект.

“Что такое Франция?” – такой вопрос поставил в названии своей специальной работы один из основоположников французской школы “Анналов” Ф. Бродель и ответил, что историко-культурное разнообразие было, сохраняется и развивается в этой стране. Аналогичный вопрос можно поставить и в отношении Кыргызстана. Наше представление о сложившемся настоящем этого региона невозможно без осознания исторического пространства.

Таким образом, можно обозначить сложившееся противоречие в исторической науке – невозможность выполнить теоретическое или практическое историческое исследование с использованием категории культурно-исторического пространства при помощи ранее усвоенных знаний и методов. Эта ситуация приводит к формированию потребности в новых знаниях и научных методах, которые позволили бы разрешить возникшее противоречие.

Генезис самопознания исторического пространства проходит по своеобразному кругу – исследуя историческое пространство, мы познаем самих себя, – познавая себя, мы открываем новое знание об историческом пространстве. Будучи частью социума, мы обращаемся с вопросом к другим исследователям, которые

своей критической реакцией, своей конструктивной активностью стимулируют наше индивидуальное развитие. Постепенное “снятие” цепочки проблемных ситуаций определяет рост нового научного знания.

Культурно-историческое пространство является объектом изучения различных научных дисциплин. Проблемы, связанные со всеми формами жизнедеятельности человека, активно изучаются различными направлениями современной географии (экономической, социальной, исторической, политической, культурной).

Диахронное изучение человеческих пространственных организаций осуществляется в археологии, которая имеет дело с пространственным распределением разного рода артефактов. Археологический материал имеет пространственные смыслы и образцы и тем самым содержит информацию о социальной организации, иерархии и статусе, этничности, ритуале и религии, ментальных представлениях. Сбор и анализ такой информации подчинены пониманию человека и эволюции человеческих сообществ. В основном это изучение происходит с позиции внешних наблюдателей, но целый ряд исследований направлен на выяснение тех значений, которые придавали и придают пространству представители изучаемых культур.

В культурной антропологии изучение пространственных категорий в истории и культуре стало обязательным элементом научного познания. Одним из первых обратился к пространственным характеристикам элементов материальной культуры французский ученый А. Леруа-Гуран [1], который писал о том, что для раннего охотника и собирателя значение имеет не поверхность земли, а маршрут перекочевки – по тропе, вдоль речной долины, по берегу водоема и т.д. Ограничение тем или иным способом пространственных пределов или территорий – признак оседлых культур, причем имеющих оформленные государственные структуры.

Занятие оседлым земледелием сформировало концентрическое видение пространства. Земледелец воспринимал мир в виде концентрических кругов, его деревня – это центр, поля и выгоны – ближайший круг, лесные угодья общины – второй круг, дальние пространства –

третий круг. Это восприятие сохраняется во многих сельских местностях и в настоящее время, особенно в слабомодернизированных обществах.

А. Леруа-Гуран сделал еще одно важное наблюдение – это архетипическое стремление моделировать большое пространство в малом. Соответственно, он отметил существование разных типов городских поселений, прежде всего, городов концентрического типа и городов типа шахматной доски. В обоих случаях город строится как модель мира. Это наблюдение подтверждается в топонимике многих концентрических городов. Великий полководец Тимур назвал пригороды своей столицы Самарканда именами мировых столиц своего времени – Лондон, Толедо, Париж, самаркандский район под именем Фариш существует и сегодня. Таким образом, города, их планиграфия и архитектура отражают присущее конкретной исторической культуре отношение к пространству.

В пространстве городской архитектуры выражены особенности производственной жизни и быта людей того или иного этапа истории общества, специфика их социальных связей (города античной эпохи непохожи в своей пространственной композиции ни на города средневековые, ни на современные), особенности этнических и национальных традиций (одна и та же эпоха дает множество образцов городской архитектуры разных народов: неповторимы Лондон или Париж; китайские и индийские города несут на себе печать национально уникальных черт). Историческое развитие меняет городскую пространственную среду, и новые пространственные формы как бы наслаиваются на прежние, видоизменяя их.

В российском обществознании проблему культурно-исторического пространства с позиций семиотического подхода разрабатывали Ю.М. Лотман [2], Е.М. Мелетинский [3], С.Ю. Неклюдов [4], Т.В. Цивьян [5], В.Н. Топоров [6: 340–342], А.К. Байбурун [7]. Предметом изучения этого направления чаще всего является пространство в мифе, бытине, сказке, эпосе, авторском художественном произведении, искусстве, а также в традиционной культуре. А.Я. Гуревич [8] с позиций исторической культурологии размышляет о категориях средневековой культуры.

Наиболее значимыми в исследовании культурно-исторического пространства Кыргызстана являются работы В.М. Массона [9], Ш.Б. Акмолдоевой [10].

Проблемы культурно-исторического пространства Кыргызстана необходимо рассматривать в широком теоретическом плане и в междисциплинарном контексте. Образ общей истории Кыргызстана невозможно сложить как некую мозаику из истории отдельных регионов. При изучении истории Кыргызстана следует помнить о том, что “единственно подлинная история, возможная лишь при взаимопомощи, – это всемирная история” [11: 31].

Предвидя возможные упреки в приверженности географическому детерминизму, редуccionизму и прочим вышедшим из научной моды концепциям, считаем необходимым отметить, что в фокусе исторического исследования находится не просто физико-географическое (объективное) пространство, заполненное некими артефактами, а пространственная среда, выстраиваемая человеком в соответствии с заданной осмысленной целью, т.е. “опредмеченная среда”. Нас интересуют работы отечественных исследователей не в плане описания природных ландшафтов или природной среды, что, в общем, характерно для представителей естественных наук, а обращение к осмыслению культурно-исторического пространства Кыргызстана на разных его уровнях, от социально-экономического до индивидуального. Видение в субстанции пространства-времени как субъектного уровня значений и смыслов, так и объектного уровня пространственной среды и любого рода связей между разными уровнями – вот что мы стремимся выделить в массиве информации, накопленной отечественными исследователями.

Крайне затруднительно рассмотреть все моменты пространственно-временного видения, но можно определить главные его составляющие:

➤ внимание ко всем изменениям пространственной среды под воздействием человека: культурные ландшафты, поселения, архитектурные и погребальные сооружения, организация сакральной и селитебной среды и множество других визуальных проявлений пространственной организации;

- удержание в поле зрения не только визуальных, но и воображаемых, виртуальных моделей пространства;
- выявление связей с географическим пространством, начиная с описания особенностей культурного ландшафта и заканчивая составлением различного рода карт;
- определение характера социально-экономических отношений, социальной структуры, формальных и неформальных связей, ролевых факторов;
- классификация элементов пространственной организации с одновременным установлением абсолютной и относительной хронологии и периодизации;
- этническая, социальная и культурная атрибуция артефактов.

Такое видение происходит с позиции внешних обозревателей, но в ряде исследований можно выделить направленность на выяснение эмических аспектов культурно-исторического пространства и времени, т.е. реконструкцию и определение тех значений, которые придавали и придают пространству представители социумов и культур, являющихся объектом изучения.

Ключевым критерием отбора исследовательского материала является такое рассмотрение культурно-исторического пространства, которое включает не только “артефакты” пространственной среды, но, прежде всего, самого человека во всей сложной совокупности его взаимосвязей с окружающим миром – в его деятельности, в потребностях и системе ценностей.

Современное научное видение культурно-исторического пространства определяет его как взаимодействие четырех субстанций: пространства, времени, смысла и взаимодействия (коммуникации). Фактически такое видение сложилось в рамках концепции “Хронотопа” (от древнегреческого “хронос” – время, “топос” – место), которая была подготовлена естественно-научными открытиями, сделанными в начале XX в., и кардинальной сменой представлений о картине мира. Пространство и время мыслятся в рамках концепции “хронотопа” как взаимосвязанные координаты единого четырехмерного континуума, причем размерность измерения и содержательность кон-

тинуума зависят от описываемой и измеряемой реальности. Указанная трактовка, по сути, продолжает научную традицию реляционного понимания пространства и времени, истоки которой восходят к Аристотелю, Блаженному Августину, Лейбницу и другим [12].

Впервые термин “хронотоп” был использован психологом А.А. Ухтомским [13] в процессе создания учения о доминанте, которая имеет философские, исторические, культурологические, религиозные и нравственные аспекты. В представлении А.А. Ухтомского доминанта – означает направленность сознания людей на поступки, подтверждающие общность цели в едином пространстве и времени.

Наиболее близко содержание хронотопа соотносится с описанием В.И. Вернадским [14] ноосферы, которая характеризуется как триединство пространства, времени и духовного содержания жизни. Содержательная детерминированность пространства и времени, их амбивалентная взаимосвязь представлены в метафорической форме у М.М. Бахтина. Он отмечал множество смыслов хронотопа, которые выражают многослойность и полифонизм культуры. Раскрытие этих культурно-исторических смыслов отношения к пространству и времени в разных культурах становится основой диалога, стимулирует понимание и переживание культурных ситуаций прошлого, создает духовную близость поколений.

Далекое культурные миры преодолевают пространство и время, вовлекаются в культурную ментальность, оживают в образах и памятниках. М.М. Бахтин ввел понятие “Большого времени” [15], которое **выводит** из далекого прошлого разные по своей исторической значимости сюжеты, события, биографии и воссоздает, “воскрешает” в памяти их прежний жизненный смысл и значение, тем самым соединяя историю и современность.

В любом историческом феномене заложен определенный смысл, и “вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа” [16: 15]. Хронотоп уникален для каждого смысла, а потому история имеет многослойную, многоуровневую структуру, таким образом, универсальность истории складывается из отдельных смыслов исторических феноменов. Каждый из уровней структуры истории

представляет взаимобратимую связь пространственных и временных параметров, которая базируется на единстве дискретного и континуального начал. Чем больше историк обнаруживает хронотопов, тем более насыщена смыслами история.

Хронотоп выражает существенные черты пространственно-временной организации в конкретной системе культуры, указывает направление доминирующих ценностей этой культуры. Через призму хронотопа пространство и время мыслятся как абстракции, при посредстве которых возможно построение космогонической картины единой и упорядоченной Вселенной.

Весьма интересным представляется историческая критика пространственно-временного мышления людей различных эпох. Понятия и представления о пространстве, свойственные различным историческим эпохам, выражают различные исторически развивающиеся смыслы важнейшей мировоззренческой категории пространства.

Для человека каменного века до неолитической революции характерно предметно-чувственное восприятие пространства и вне-временное мышление.

Кочевники воспринимали пространство в качестве особо выделенных областей – путей перекочевок и троп войны, алтарей, мест для ритуальных танцев и тому подобное. Пространство для кочевников оказывается не зрительным образом, а воспринимается динамически – как испытание, как нечто противостоящее, что нужно преодолеть и освоить, как путь преследования и охоты, что в конечном счете рождает архетип “трудного пути”.

В круг скифского мира, охватывавшего огромную территорию от Восточной Европы до Западной Монголии и Южной Сибири, входили и сакские племена, жившие на Тянь-Шане. Из древнегреческих источников нам известна мифология скифов Причерноморья, которая, видимо, была аналогична сакской мифологии.

Все пространство скифами и саками мыслилось как трехуровневое, в котором верхним миром правил бог неба Папай, подземный мир был подвластен божественной супруге бога неба – богине Апо, а средним миром – воды и зем-

ли – управлял Таргитай, первочеловек и в то же время бог, родившийся от брака Папая и Апо.

Трехуровневое представление пространства было унаследовано древнетюркскими племенами. Главным божеством – богом голубого неба был Тенгри, его супруга Умай распорядилась земным миром, а богом подземного мира был Эрлик.

Культурный хронотоп оседлых культур античной эпохи определен мифами, где время циклично, а пространство одушевлено. В средневековом сознании сформировался хронотоп, состоящий из линейного необратимого времени, начало которого связано с рождением Иисуса Христа и иерархически выстроенного пространства, главным символом которого является храм.

Эпоха европейского Возрождения создала хронотоп, актуальность которого сохранилась до нашего времени. Противопоставление человека как субъекта и окружающего мира как объекта позволило осознать многоуровневость пространства и времени и измерить их глубину и протяженность. Именно в эпоху Возрождения зарождается всеобщая линия истории – бескачественное расчлененное время. Возникновение характерного для нового времени единого темпорального мышления и отчужденного от человека пространства сделало абстракциями категории пространства и времени.

В большинстве современных исследований культурно-историческое пространство предстаёт как геопространство. В ряде работ рассматриваются проблемы времени, смысла и коммуникации, и лишь в единичных исследованиях можно заметить стремление рассматривать культурно-историческое пространство в целостном единстве всех субстанций. В 60–80-е гг. XX в. проблемы культурно-исторического пространства получили развитие в рамках новой общей концепции “Геоистории” – истории больших временных ритмов, структур большой длительности (*la longue durée*), материальной культуры и экономических систем.

Современные тенденции глобализации культурно-исторического пространства имеют своих противников, опасющихся утраты самобытности национальных культур. Этническое самосознание и идентичность связаны с образом пространства как “малой родины”,

особенно дорогого места, которое мысленно отделяет “свое” от “чужого”. В мировой культуре распространено архетипическое представление о пространстве как “Мировом древе”, в котором корни символизируют многослойность и устойчивость всей конструкции культуры; ствол выражает единство человечества, а разветвленная крона – многообразие форм культуры.

В постмодернизме вместо символа корня приходит образ “ризомы” или грибницы, в которых изначально существует множество равноправных центров. Пространство в постмодернистской традиции представляется как пористая инфраструктура, благодаря которой архаичные пласты способны подняться по внутренним “лифтам” и включиться в современность.

Культурно-историческое пространство уподобляется живому организму, обладающего узлами с магнетической, притягательной силой. Отсюда паломничество к культурным центрам, желание насладиться живой красотой культуры, получить заряд положительных эмоций. Культурно-историческое пространство содержит в себе и созидательное и разрушительное начала. Оно может способствовать объединению и сплочению нации, государства, всех социальных сил, но может и рассеивать силы притяжения между регионами, делая их обособленными и замкнутыми.

Резюмируя, хотелось бы заострить внимание на том, что в чрезвычайно сложных и противоречивых условиях, в которых живет современное общество Кыргызстана, игнорировать изучение культурно-исторического пространства более уже недопустимо, так как без этого невозможно решить сколько-нибудь удовлетворительно национальные, региональные, экономические, политические и другие проблемы. Важно учитывать, что категория культурно-исторического пространства не просто отражает историю и общественное бытие, но и активно воздействует на общественную жизнь. Она функционирует в качестве своеобразной матрицы, в соответствии с которой в определенные эпохи воспроизводится образ жизни людей. Действуя в соответствии с этой матрицей, усвоив содержащиеся в ней культурные смыслы, человек своей реальной

деятельностью воспроизводит определенные типы отношений культурно-исторического пространства, включающие не только отношения предметов, но и их связи с человеком.

Литература

1. *Leroi-Gourhan F.* Milieu et techniques. Paris, 1945; Idem. L'homme et la matiere. – Paris, 1943.
2. *Лотман Ю.М.* Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. Т. 11. – Тарту, 1968.
3. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. – М., 1976.
4. *Неклюдов С.Ю.* Время и пространство в бытине // Славянский фольклор. – М., 1972.
5. *Цивьян Т.В.* К семиотике пространственных элементов в волшебной сказке // Типологические исследования по фольклору: Сб. статей памяти В.Я. Проппа. – М., 1975.
6. *Топоров В.Н.* Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. – М., 1988.
7. *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983.
8. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М., 1984.
9. *Массон В.М.* Древний Кыргызстан: процессы культурогенеза и культурное наследие / Отв. ред. академик А.Ч. Какеев. НАН КР. – Бишкек: Илим, 2003.
10. *Акмолдоева Ш.Б.* Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса “Манас”). – Бишкек: Илим, 1996.
11. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. – М., 1986.
12. *Ахундов М.Д.* Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. – М., 1982.
13. *Ухтомский А.А.* Космологическое доказательство бытия Божия // Русь. – Ростов Великий, 1995. – №1.
14. *Вернадский В.И.* Живое вещество. – М. 1988.
15. *Бахтин М.М.* Пространство и время в искусстве. – М., 1986.
16. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки об исторической поэтике // М.М. Бахтин. Литературно-критические статьи. – М., 1986.